

Газета «Народ» апреля 1906 г., Киев

С. Н. Булгаков

Статьи опубликованы в газете «Народ», издававшейся в Киеве в апреле 1906 года. Редакторами выступили С.Н. Булгаков и А.С. Глинка (Волжский). Газета «Народ» замышлялась как печатный орган несостоявшегося политического проекта «Союз христианской политики». В промежутке с 2 по 10 апреля вышло семь номеров, после чего газета была закрыта по решению суда. В каждом выпуске были статьи С.Н. Булгакова.

Пасхальные думы

О задачах народного представительства в России

Социальные обязанности церкви

К выборам по киевскому уезду

Кто убил Абрамова?

На грозном распутье

Пасхальные думы

Газета «Народ» № 1, 2 (15) апреля 1906 г., Киев, с.1.

(примечания и правка текста - редакция ивашек.com)

ПАСХАЛЬНЫЕ ДУМЫ¹

Под звон колоколов, при ликовании природы и людей, в величайший из христианских праздников начинаем мы своё скромное дело.

Снова празднует христианский мир окончательную победу добра над злом, жизни над смертью, творческой, воссозидающей любви над разлагающей враждой, и эту победу, совершённую Богочеловеком и навсегда спасшую мир и людей, празднует он, как залог и предварение вечного, мирового воскресения и преображения твари. И предваряя верой окончательное торжество, он переживает и теперь как осуществляющийся уже факт, как осияние света в окружающей нас тьме, как возгорающуюся любовь и радость её среди царства вражды и раздора.

Воскресший Христос и доныне воскресает и в душе каждого человека, и в душе народов, и яркое сияние Воскресшего, врываясь в ночную тьму, не только слепит радостный глаз, но и пронизывает ослепительным светом совести тот мрак, в котором мы живём, освещает ту Голгофу, которую мы создаем из мира. И пение ангелов в небе сливается с хрипом и стонами, несущимися с лобного места. В день Воскресения мы не можем, пока мы живём, забыть о Голгофе и победить Голгофу, не можем и не должны.

И радостно взволнованная, но вместе и скорбная мысль невольно обращается к земной Голгофе и к тому, что её окружает, её создаёт: фанатическому синедриону, ленивому и равнодушному карьеристу Пилату, грубым воинам, делящим хитон у подножия Креста, и тёмному народу, в ослеплении вопиющему: «Распни, распни Его!» Как близки нам теперь, в России, в 1906 году, эти голгофские образы, как режут и жгут они сердце, и не может оно забыть о них и в день Воскресения, не может, омертвелое от пережитого, вполне воскреснуть вместе с Воскресшим Христом; вместе с скорбной и смиренной Магдалиной стремясь на встречу Воскресшему, оно полно думами и чувствами недели Страстей Христовых.

В какой одежде встречаем мы праздник любви? Грязные, окровавленные, трижды окровавленные лохмотья, с сумой голодных, нищих, вдов и сирот за плечами, вот духовная одежда, какую мы имеем, в какой мы выходим навстречу Воскресшему! Каких только мук не изобретали мы для Него, каких преступлений не чинили над Ним в тяжёлую годину? Ибо ведь, кто сотворит что-либо, доброе или злое, братьям Его, человечеству, Ему творит...

Накормили ли мы голодного? Нет. Но грехами нашими, нашей общественной неправдой голодает русская земля, голодают жёны, дети, старики, полные сил работники.

Насытили мы заключённых в темницах?.. Нет, но, напротив, мы переполнили эти темницы, хватая правого и виноватого, мы всю Россию превратили в какой-то каторжный дом, дом помешанных от злобы. Россию мы сделали страной тюремщиков и заключённых как некие изверги, вспоминая Ирода и заушавших и оплевавших Христа, мы подвергли ещё истязаниям и унижениям заключённых.

Совершили ли мы дела любви? Нет, но мы Россию залили кровью, осветили заревом пожаров, наполнили ужасами междоусобицы. Мы всю Россию превратили в лобное место, где действует палач, всё снова и снова распинаем на нём Христа, расстреливаем, наконец, громим «инородцев» во славу Божию² и даже церковные власти налагают пастырям, осуждающим происходящие убийства, печать молчания на

уста³, следуя примеру своего знаменитого духовного предшественника Каиафы, изрекшему, как известно, остающийся непререкаемым и до сих для его духовных детей аргумент в защиту смертной казни: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь мир погиб» (Ин 11:50). Такие мы христиане, так осуществляем мы правду Христову в своей национальной жизни.

Мы отравили самую душу народную, которая теперь не знает, кому и чему верить, за кем идти, где искать правды. Мы оболгали самую религию, превратив её в прислужницу силы. Мы оболгали правду права, приравняв её праву сильного.

Когда же очнёмся мы от кровавого кошмара? Когда поднимем отяжелевший взор, чтобы увидеть воплотившуюся любовь, и «загорится» ли при этом сердце наше, как горело оно у апостолов, шедших в Эммаус⁴, хотя и не узнавших своего Спутника?

Когда вступим мы на путь покаяния; личного и общественного, и в скорби, унижении, преступлениях, почувствуем, что «правда всё та же»⁵ и только в ней спасение и личное, и национальное, и историческое? Ведь нельзя же допустить, чтобы напрасно были посланы нам эти страдания. Недаром Страстная неделя и Голгофа. Брезжит уже свет воскресного утра. Совершается и назревает в истории что-то неслыханное, что-то великое.

Мы живём в атмосфере великих предчувствий, в атмосфере надвигающегося чуда... Мы переживаем и канун своего национального воскресения. Совершится, рано или поздно, это воскресение, преобразив внешние и внутренние формы народа. Победит же, наконец, русский народ своего действительного «внутреннего» врага, разобьет свою темницу, пробудит своё зачарованное, сонное царство, исполнятся давнишние, свободолюбивые и человеколюбивые мечты.

Русский народ завоеует и получит свою свободу, устроит свой быт на христианских, а не мусульманских, не на турецких началах, на которых он теперь основывается. Только этого мало, настолько мало, что если бы речь шла только об этом, нас не вдохновляла бы, хотя и радовала бы эта перспектива. Но не этого только ждём мы от русского народа. За зарёй свободы мы прозреваем новую, нездешнюю зарю. Мы чаем, что освобождённый от внешней кабалы и духовной опеки, наш народ осуществит своё высшее, *религиозное* призвание, скажет неведомое слово, слово спасения миру.

Мы по-прежнему разделяем веру Достоевского и Соловьёва, что народ наш, этот погромный хулиган звериного образа, погрязающий в смрадном грехе, есть все-таки народ-богоносец, и имеет свою важную и определённую задачу в мировой истории, в

плане мирового спасения. Пусть будет отвален от гроба тяжёлый камень, не выпускающий ни мёртвого, ни живого, и откуда выйдет четырехдневный, смердевший, но воскресший Лазарь навстречу своему Господу. Этой верой воодушевляется наш патриотизм, осмысливаются современные исторические события, освободительное движение, начинающееся раскрепощение русской церкви, всё, всё. И эти религиозные чаяния согревают жизнь и освящают для нас повседневную борьбу и работу.

Воскресни же, Христос, в Твоём народе, осияй правдой Твоей тьму злобной вражды человека к человеку, племени к племени, расточи врагов дела Твоего, испепели нашу дряблость и холодное равнодушие, воспламени и сожги сердца наши огнём Твоим.

Ей, гряди, Господи Иисусе!⁶

С. Булгаков.

1. Статья опубликована в первом номере газеты «Народ», издававшейся в Киеве в апреле 1906 года. Редакторами выступили С.Н. Булгаков и А.С. Глинка (Волжский). Газета «Народ» замышлялась как печатный орган несостоявшегося политического проекта «Союз христианской политики». В промежуток с 2 по 10 апреля вышло семь номеров, после чего газета была закрыта по решению суда. В каждом выпуске были статьи С.Н. Булгакова.

2. Имеются в виду еврейские погромы, волна которых прокатилась по всей России в 1905 году. Зачинщики и организаторы мотивировали свои действия псевдоправославной риторикой. В ноябре 1905 года в ряде официальных церковных изданий вышли статьи известных церковных иерархов с осуждением погромов.

3. 20 декабря 1905 года вышло определение Святейшего синода «По сведениям о предосудительном поведении некоторых священников во время народных волнений», которое предписывало архиереям усилить контроль над духовенством.

4. Лк 24:13

5. Строчка из стихотворения А.К. Толстого «Против течения».

6. Откр 22:20

[О задачах народного представительства в России](#)

Народ №2 (5-го (18) апреля 1906 г.), стр. 1.

О задачах народного представительства в России

(Из речи, сказанной перед избирателями в Киеве)

... Каков общий смысл совершающегося в России, переживаемых ею бед и ужасов, внутренних и внешних? Есть ли это непосредственный хаос случайностей или же здесь есть внутренняя необходимость, раскрывается некоторая правда, творится какой-то

высший суд, суд над коллективной личностью целого народа, над национальной совестью, над русской историей? И ясен этот приговор, он высказан был около 30 лет назад В.С. Соловьевым, который писал: «одно мы знаем *наверное*: если Россия не исполнит своего нравственного долга, если она не отречется от национального эгоизма, если она не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не пожелает искренно духовной свободы и истины, она никогда не может иметь прочного успеха ни в каких делах своих ни внешних, ни внутренних».

Увы! Пророческие слова эти теперь приходится повторить уже не в условной, а в утвердительной форме. За последние десятилетия Россия культивировала все те грехи, от которых остерегались ее духовные вожди: Россия не исполнила своего нравственного долга, она национальный эгоизм возвела в культ и заменила им здоровый патриотизм, всей государственной жизнью своей она попирала, издевалась над силой права, признавала только одно право силы, кулачное право, она отрицала свободную личность, которая может стремиться к истине и свободе, предпочитая ей казенщину и субординацию. И вот, не имели мы успеха ни во внешних, ни во внутренних делах и несем неизбежные плоды. В самом деле, разве не подвергались злейшему поруганию самые основы общежития, устои общества и государства как раз именно со стороны людей, считавших себя консерваторами, охранителями устоев, не расшатали ли в такой степени эти устои именно их охранители, отвергнув самый основной и святейший устой — идею права, чувство законности, чувство национальности, религиозное чувство? Что видим мы во всех областях жизни? Патриотизм — священное чувство; что глубже, естественней, органичнее привязанности к своему народу, к матери, к родной стихии и родной природе! И во что же мы обратили это святое чувство? Мы обратили это чувство любви, расширяющее душу человека, в чувство ненависти, прежде всего, ко всему не своему, а затем и к своему, что не мирится с общим ранжиром. Патриотизм мы подменили национализмом, навязали русской национальности роль какого-то полицейского.

Такова была наша национальная политика внутри России, но такова же была и вне ее: вместо того, чтобы защитить славянские народности от турецкого зверства и деспотизма, мы предпочли завести у себя внутри Турцию, а сами отправились, неизвестно зачем на Дальний Восток, где и получили должное.

Но больше всего и горше всего от этих националистов и от этих патриотов достается русскому народу. Я — русский патриот, люблю русский народ и свято верю в его великое историческое призвание, и именно потому не могу без гнева и горя видеть, во что превратили эти патриоты великое и священное имя русского народа. Что значить теперь у нас «Союз русских людей» или «русское собрание», вообще эти профессионально русские люди, сделавшие себе какую-то специальность быть русским? Ведь быть русским на их языке не значит любить свой народ и уважать всякую чужую национальность, нет, это значит исповедовать кулачное право не только за страх, но и за совесть. Удивительно ли, если мы несем теперь достойное наказание за подобный патриотизм.

Какие же права предоставлены были и русским людям, русскому гению, русскому чувству? Всю Россию за это время пытались обратить в полицейский участок, отдать под надзор полиции. Но для этого прежде всего надо было уничтожить силу закона, вместо силы права, водрузить произвол, кулачное право. И вот, начинается извращение и ограничения судебных уставов, суда присяжных. Затем увеличиваются все больше права администрации, вводится положение об усиленной охране, затем чрезвычайное и военное положение, чрезвычайные суды. И вот результаты, они у всех на глазах: совершенное отсутствие личной неприкосновенности того, что называют *habeas corpus*, переполненные тюрьмы, смертные казни.

Нет права, нет закона, ибо он может быть каждую минуту отменен, заменен, обойден. И странно, русские люди приписывают себе защиту религии, они становятся на защиту православия, хотят действовать во имя Божие. Однако, как же они действительно обращаются с религиозной думой, как они относятся действительно к православной церкви? Они относятся к ней как к средству для политических целей, как к какому-то патенту благонадежности, они тем самым извращают самую идею церкви, хуля на нее, богохульствуют. Охранители, в явное нарушение заповедей Христа, долгое время поддерживают у нас атмосферу религиозной войны и инквизиции: преследования раскольников с запечатыванием храмов, варварские преследования сектантов, монастырские тюрьмы — вот как защищали православие мнимые его сторонники, которые совершенно предали его в распоряжение самовластия, повторяя печальный пример Искарриота. Орган церковного правительства — синод при настоящем положении церкви, состоящий из ставленников светской власти, преследует пастырей, поднимающих голос против смертной казни и современных жестокостей. Для христианского синода это оказывается преступлением, заслуживающим церковной кары. Эта неискренность и корыстность отношения наших охранителей к церкви маскировались тем обстоятельством, что среди духовенства по разным причинам большинство принадлежало к сторонникам прежнего режима.

Но когда в последнее время движение проникло и в среду духовенства, и из рядов его все больше выделяется сторонников освободительного движения, их стали без церемонии арестовывать и сажать в тюрьмы, как и светских лиц. Уважение к представителям религии исчезло, как только выяснилось, что они не годятся уже для санкции всевозможных злоупотреблений. Мне особенно памятна та часть показаний на суде Измаилович в Минске, где истерзанная девушка рассказывает, как она увидела в тюрьме вступившегося за нее священника, которому истязавший ее казак говорил с укоризной: «А еще священник, и вам не стыдно!» Для людей религиозных в высшей степени радостно дожить, наконец, до такого времени, когда уже встречаются среди духовенства, хотя в виде единичных исключений, такие личности, которых стыдит в тюремном заключении истязатель-казак, и, если б я был художник, я написал бы картину, где изобразил бы сцену и подписал бы: «Эпизод из возрождения церкви». И так, вот какая религия нужна охранителям, а иначе они обратились бы, может быть, к более удобному для них исламу, нежели к требовательному христианству. Если охранители наши посягнули на то, что должно быть всего святей и неприкосновенней, на область религиозную, и попытались самую религию сделать полицейским средством, то легко понять, как они относились к другим проявлениям духовной жизни, как чтили они идеалы духовной свободы и истины. Положение русского слова, устного и печатного, служит тому лучшим доказательством. И мы стоим перед великими задачами века без высшей школы, без университетов, без свободы печати — таковы нравственные условия нашей жизни. В основу их положено недоверие к обществу, разобщение власти с народом и опека властью народа, признаваемого несовершеннолетним. [.....] инстинкт самосохранения существующего политического строя принять за насущные нужды народные и повести войну с народом, яко бы во имя защиты законности, а на самом деле, ради опеки, упоения властью произвола! Истинно-русские люди превращаются при этом уже в гонителей идеи отечества, патриотизма, интересов целого, они говорят: "знай сверчок свой шесток" и не переходят указанного предела. Если вы интересуетесь положением голодающих крестьян и тем паче пытаетесь открывать столовые для голодающих, вы — подозрительное лицо, подлежащее высылке. Если вы интересуетесь бытом фабричных рабочих, то вы сугубо опасный человек, агитатор. Таким образом, между темным народом, ищущим света и стремящейся к просвещению его интеллигенцией, ставились рога; светобоязнь стала

самой распространенной болезнью русской власти, заботившейся не о благосостоянии народа, но об охране его от вредных элементов.

С. Булгаков.

Окончание будет.

Народ №3 (6-го (19) апреля 1906 г.), стр. 1-2.

Киев, 6-го апреля.

О задачах народного представительства в России

(Из речи, сказанной перед избирателями в Киеве).

(Окончание)

Такова грустная картина нравственного развития постигнувшего нашу бюрократию: цензура, опека, недоверие, репрессия, административные меры — вот не сложный лексикон слов и понятий, при которых жили мы в политической жизни. И этими понятиями деморализована ныне жизнь и власть до мозга костей, это въелось в нас как крепостное право, которое до сих пор живо еще в мозгах и костях наших. Эта административная система утвердилась на твердой почве безответственности перед народом и субординации сверху, превращавшими власти в особую касту, в особый лагерь, где говорят другим языком, чувствуют по-иному. Этим создалось внутреннее междоусобие, внутренний раскол нашей жизни, который устранить можно только, сломав эту систему. А сломать ее можно лишь заменив кастовую и безответственную власть властью народной и ответственной, а это может сделать только народное представительство. Вот почему бюрократия так беспощадно преследовала эту идею, во имя якобы самодержавия, на самом же деле, преследуя под предлогом самодержавия собственное самовластие. И действительно, настоящее народное представительство и бюрократический режим взаимно друг друга исключают, они несовместимы, как огонь и вода, как да и нет. Бюрократическая опека должна устраниться там, где народ начинает управляться через своих представителей. Из деспотического повелителя бюрократия становится ответственной служанкой народного правительства. Отсюда и понятны те нечеловеческие условия, которые употребляются, чтобы не дать подлинного народного представительства, фальсифицировать его, обмануть, дав подделку, декорацию.

Итак, причина теперешнего исторического кризиса в том, что мы отвергли путь правды, который есть и путь права, что мы попрали те нравственные и правовые начала, на которых основано современное государство, что мы, считая себя государством христианским, вступили на путь политического ислама и турецкого деспотизма. Мы бедны и нищи не потому, что нам не отпущено естественных богатств или мало духовных сил у русского народа, мы тонем в крови не потому чтобы русскому народу была свойственна исключительная жестокость и кровожадность, но потому, что мы живем в зачумленной, отравленной атмосфере, отравленные самые источники жизни народной, извращены общие условия ее существования. Спасти Россию можно только одним путем: поставить ее на путь правды и права, исправить нравственный вывих, оздоровить источники жизни, превратить ее в правовое

государство, сделать царство кривды царством правды. Иначе пред нами разверзается бездна, иначе мы стоим пред началом такой революции, подобной которой не знает еще история и перед которой ужасы французской революции и до сих пор у нас бывшее, окажется только предвестниками грядущих зол. Грядущее пред нами закрыто, будет ли спасена Россия от дальнейшего разложения и совершится ли умиротворение, мы не знаем. Но настоящее мы знаем, и мы знаем, что Россия может быть умиротворена и оздоровлена только победой силы права над правом силы, справедливости над кулачным правом. Россия может быть спасена только нравственно-политическим подвигом русского народа. И вот, те народные представители, которых избираем мы теперь впервые во всю новейшую русскую историю, силою вещей облакаются страшной, ужасающей ответственности миссией: они должны спасти Россию, дать ей закон и право и восстановить поруганную правду. Они должны знать, что если они не спасут Россию, то и вообще она не может быть уже спасена земными средствами, и открывается бездна хаоса. Такова исключительно великая, исключительно почетная, но и исключительно трудная миссия, какая возлагается историей на плечи, человечески-слабые плечи народных представителей. Вы понимаете, что эти выборы нельзя считать заурядными выборами, которые через правильные промежутки времени повторяются теперь во всем конституционном мире. Ведь при таких выборах речь идет обыкновенно о каких-нибудь предстоящих в данной сессии законах, о каких-нибудь торговых договорах или других подробностях государственной жизни. Результатом этих выборов является прирост одних партий, убыль других, некоторая перетасовка депутатов. Вот и все. А нашим народным представителям предстоит спасти Россию, быть голосом народа, страны, обращенным к упорствующей бюрократии. По-настоящему, у нас должна быть, да и есть, только одна партия русских патриотов, не тех истинно-русских, профессионально-русских, бутафорски-русских людей, которые губят русское имя, но тех, кто приносит всякие жертвы ради свободы, кто хочет не успеха партии или кружку, но стремится спасти Россию, дать ей право и правду. Поэтому, наши представители пойдут в государственную думу не как в почетное, обеспеченное, всеми уважаемое учреждение, как немец идет в свой рейхстаг, англичане в парламент, но как на арену борьбы, как на тяжелый подвиг, на котором их встретят, быть может, штыки и жерла пушек с одной стороны и враждебное недоверие с другой. Народные представители наши должны быть готовы к самоотвержению, к добровольному жертвоприношению на алтарь родины. Требования эти велики и тяжки, может быть мало найдется людей, способных им удовлетворить, но только на таких и могут основываться надежды России. В государственной думе произойдет последний торг между народом и бюрократией, последний бой за право, после которого или победит право, или же начнется война всех против всех.

Победа права означает коренное изменение общих условий русской жизни, торжество законности во всех ее видах. Дать силу закону и устранить произвол, дать обеспеченную свободу и поставить ее в законные определенные рамки, и дать ей прочные гарантии — таково дело, которое прежде всего принадлежит народному представительству. Отсюда само собой следует, что оно обязано сосредоточить свое внимание не на штопании дыр или выработке каких-либо частных, но на коренных государственных законах, определяющих право подданных, право человека и гражданина. Первая работа, предлежащая вниманию народных представителей, собранных в Таврическом дворце, не состоит в том, чтобы добиться правильной организации народного представительства. Теперешняя русская "конституция", отражающая на себе все упорство и сопротивление бюрократии, страдает слишком явным и для всех видными недостатками. И, прежде всего, народное представительство не является всеобщим. Между тем, всеобщего избирательного права повелительно

требует теперь народная совесть, народное сознание. Мы живем в такое время, когда сословные и кастовые перегородки сломаны, когда идея равенства, равноценности человеческих личностей проникла глубоко в общее сознание и с каждым днем делает в нем новые успехи. Поэтому, какие бы то ни было ограничения избирательного права испытываются в народном сознании как несправедливость, как нарушение личных прав. Депутаты, избранные не всеобщим голосованием, как бы не считаются, и сами не считают себя, подлинными народными представителями, в собственном смысле, они могут стараться быть ими фактически, считаясь с общественным мнением, поскольку право это возможно при существующей разнице воззрений, но они не имеют должной авторитетности какую должно иметь истинное народное представительство. И не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что пока будут ограничения всеобщего избирательного права, до тех пор они будут вызывать волнение, брожение, будут питать собой революционные страсти, будут отравлять духовную жизнь народа. Я лично нисколько не принадлежу к числу тех, которые от введения всеобщего избирательного права ожидают чуть не рая на земле, но я вижу в нем столь элементарное требование справедливости, что против него не найдется возразить ни один мудрец в мире: если есть народное представительство, то оно должно быть всенародным, что может быть проще, яснее и бесспорнее! Нельзя мириться с сознанной несправедливостью, это даже и не расчетливо, потому что, в конце концов, даже в глазах противников всеобщего избирательного права те нестроения, которые обуславливаются его отрицанием, значительнее его кажущихся неудобств. Основной аргумент против всеобщности избирательного права — народная темнота не годится потому, что она бьет гораздо дальше цели: он в сущности отрицает не только всеобщее избирательное право, но и вообще народное представительство. Не входя в рассмотрение этого аргумента по существу, мы укажем, что ограничение всеобщего избирательного права, имеющееся в нашем законе, отнюдь не вытекает из этого аргумента: закон представляет избирательные права и обставляет даже специальными гарантиями в гораздо большей степени относительно крестьянского населения, нежели более просвещенного и класса городских рабочих. Поэтому несправедливость и неравенство, допущенные в законе отнюдь не оправдываются этими аргументами. Избирательное право данного закона является не только не всеобщим, но и не равным, хотя неравенство это и замаскировано. Хотя каждый избиратель имеет только один голос, но количество выборщиков, избираемых каждой из категорий избирателей, совершенно непропорционально количеству избирателей, так что, говоря примерно, если один выборщик приходится на 10 тыс. крестьян, но тот же выборщик придется, может быть, на 100 землевладельцев. Т. о., влияния разных групп населения на выборы будет неравно. Это есть уже явная несправедливость. Недостатком избирательного закона является двухстепенная система выборов. Долгое время, в период господства истинно-русских людей, быть русским патриотом было запрещено. Русское общество поддерживалось в раздробленном, изолированном состоянии, и всякие попытки разорвать эти рамки карались. Студенты считались отдельными посетителями университета, рабочие — посетителями фабрики, но ни каким образом не представителями рабочего сословия, земства — представителями только уезда или губернии, и никоим образом не должны были возбуждать обще-русских вопросов. Одним словом, поддерживалась насильственно атмосфера удельного периода русской истории. Раздели и властвуй — таков принцип всех деспотических правительств. Та же тенденция, хотя не столь решительно, сохранилась и в теперешнем избирательном законе: он больше всего старается, чтобы выборы не приняли общенародного характера, он замыкает крестьян в одну курию, горожан в другую, землевладельцев в третью, и разделяет все их непроницаемыми перегородками. Сделано все что можно, чтобы общенародные интересы заменить интересами колокольни. И для этого служит

система двухстепенных выборов, сложные процедуры избрания выборщиков от разных сословий, которые потом механически, но не органически, соединившись, по какому-то наитию изберут из себя народных представителей. Выборы должны быть органическими, т. е. прямыми, общенародными. Итак, избирательное право — и не только в центральном представительстве, но и местном управлении должно быть всеобщим, прямым, тайным и равным. Реформы избирательного закона в этом направлении и должны добиваться народные представители.

На ряду с реформой избирательного права, насущную необходимость представляют реформы государственного совета. Можно различно относиться к и вопросу об однопалатной или двухпалатной системе — я лично ничего не имею против двух палат, но мириться со второй палатой в форме теперешнего государственного совета невозможно. Собственно говоря, это не вторая палата народных представителей, а тормоз, злоумышление против всего народного представительства. Ибо и облечь государственный совет равными правами с государственной думой и затем составить его наполовину из членов по назначению, т. е. из высшей бюрократии, а вторую половину по совершенно искусственному подбору — значит свести на нуль деятельность государственной думы, парализовать всякое неприятное ее постановление. При помощи государственного совета можно, напр., совершенно устранить всякую реформу избирательного права, идущую из думы. Мы не можем в точности предвидеть, каково фактически окажется настроение членов государственного совета и согласятся ли они принять на себя то бремя народного негодования, которое хочет возложить власть на этот законодательный тормоз, но задуман он именно с целью очистить часть того, что было вырвано историей. Установив правильные основы народного представительства, дума должна стремиться к установлению ответственности правительства перед народным представительством. Для оздоровления русской жизни это самый существенный пункт. Безответственность власти деморализует и власти и подчиненных, начиная с министров и кончая околоточными надзирателями.

Куда пойти, где искать справедливость, если такие коллективные преступления, как погромы, совершаемые среди бела дня, перед лицом всего мира, остаются безответственными. Народные представители должны озаботиться об устранении, какое возможно, зол и несчастий, причиненных теперешней междуусобицей и, прежде всего, должно добиться полной политической амнистии, упразднения смертной казни, возвращения сосланных, освобождения заключенных. С этого должна начать дума, без этого она не в состоянии будет работать в зачумленной атмосфере.

Устранив грехи прошлого, государственная дума должна будет подумать об устранении возможности их повторения в будущем. Для этого она должна обеспечить и упрочить законом права человека и гражданина, как естественные и неотчуждаемые права, как основной закон русского государства, который гораздо для него важнее и существеннее, нежели теперешние основные законы.

Должна быть обеспечена личная неприкосновенность, граждане могут быть лишены свободы только на основании и законного предписания власти, теперешние ночные посещения, ссылки, аресты, все это после 17 октября в больших размерах, нежели до 17 октября. Всему этому должны быть положен конец, или же нам грозит окончательная анархия, безысходная смута. Освободивши тело русского народа от беззаконного насилия, государственная дума должна освободить и народную душу. Она должна окончательно развязать религиозную совесть, устранив последние остатки прежнего режима. Она должна признать религиозную жизнь безусловно свободным делом личной совести, исповедание той или иной религии, переход из одной веры в другую или, наконец, отказ от всякой религии — все это должно быть предоставлено личной совести. Тем самым устраняется и понятие господствующей церкви.

Православная церковь должна наряду с прочими верами быть освобождена от опеки, от гнета государственной власти, которая под видом покровительства заставляла церковь служить своим целям. Церкви должно быть предоставлено устройство на началах свободной соборности, какие ей свойственны, и правительственный рычаг, каким является теперь обер-прокурор синода, вместе с теперешним составом синода, которые назначаются светской властью и потому не могут считаться церковно-каноническим, должен быть устранен. Словом, должна быть проведена мера, которая в настоящее время называется отделением церкви от государства, но фактически для России обозначает освобождение церкви от государства.

И требование это должно быть поддерживаемо не только во имя отвлеченного принципа свободы религиозной совести, но и в интересах развития церкви.

Вместе с религиозной совестью должно быть освобождено и русское слово, устное и письменное. Свобода слова и свобода печати вовсе не обозначают, как иногда думают, свободу говорить и печатать решительно все, что заблагорассудится: такой свободы не существует ни в одном государстве и не может даже существовать в организованном обществе, которое не может допустить грубо-безнравственных или общественно-опасных произведений. Но рамки эти должны быть ясно определены законом, а охрана закона должна быть вверена заслуживающему доверия, независимому суду, каким только является суд присяжных. Свобода слова необходима как воздух, и без этого условия теряют цену даже и народное представительство. Я опять-таки далек от идеализации существующих и возможных в будущем нравов прессы, но отношу свободу слова к столь же неотъемлемым условиям жизни, как и свободу мыслей. Свобода слова подразумевает свободу собраний и союзов.

Теперешние временные правила, предусматривающие это, суть настолько ясный плод безвременья, что народному представительству придется подвергнуть их пересмотру и исправлению. Наряду с мероприятиями в защиту свободы и личных прав, должны быть устранены те грубые неравенства, которые имеются в нашем законе и препятствуют торжеству равноправия всех граждан. Самым большим в этой области является вопрос еврейский. По моему глубокому убеждению, он может быть устранен только юридическим устранением самого вопроса. Другими словами, все ограничения прав евреев должны быть снесены, начиная от пресловутой черты оседлости. Я знаю, что это прямолинейное и единственно возможное решение еврейского вопроса вызывает фанатическую злобу у истинно и профессионально-русских людей и некоторые опасения среди тех, кого даже нельзя причислить к националистам. Высказывают опасения, что равноправие евреев может оказаться невыгодным для коренного русского населения. Я просто отказываюсь становиться на эту точку зрения и обсуждать вопрос в такой постановке. Права человека и гражданина принадлежат данной человеческой личности не в силу ее личных достоинств и недостатков, но как человеку, носителю образа и подобия Божия. Если бы права давались по личным заслугам, то я не знаю, скольких лиц, даже из профессионально-русских людей, в частности, из погромщиков, пришлось бы лишить этих прав, но никому еще не дано лишать человека его человеческого достоинства. Поэтому, пусть будут справедливы все, даже самые мрачные, опасения, высказываемые противниками еврейского равноправия, я не стану их оспаривать, а скажу только, что они люди, такие же, как и мы, и потому, и только потому, им принадлежат равные права, чтобы из этого ни вышло. Итак, я должен рассуждать как гражданин, как человек, и, пусть не забывают этого профессионально-русские люди, как христианин, ибо с христианской точки зрения не может быть иного разрешения вопроса. Все разрешение еврейского вопроса, как давно уже учил нас Вл. Соловьев, состоит в том, чтобы относиться к евреям по-христиански, а не по-язычески, считая себя связанными в отношении к евреям своей христианской верой, видеть в еврейском вопросе вопрос христианский. Национальный

вопрос принадлежит вообще к самым трудным и больным вопросам жизни русского государства, ибо взвинчен и обострен политикой национализма и насильничества в ужасающей жизни. Единственным средством примирить и сплотить национальности, которые теперь бьются в тисках бюрократизма как в железной клетке, является свобода, свободе культурного и национального самоопределения. Только этим путем достижимо единство и цельность России, которая дорога каждому русскому гражданину и которую склоняют во всех падежах истинно-профессионально-русские люди, достигая этого идеала нагайкой и бронированным кулаком.

Единство и целостность России в настоящее время в действительности не существует, Россия распадается на несколько национальных тел, враждующих между собой. Разве Кавказ, Польша и Литва не объявляли войны России, разве это одно государство, а не несколько? Я полагаю, что государственно-правовое разрешение национального вопроса составляет одну из самых трудных задач будущего народного представительства, и оно достижимо лишь продолжительным творчеством. Но теперь уже обозначились некоторые стороны национального вопроса, вполне созревшие к разрешению. Таким можно считать вопрос о польской автономии.

Указанными задачами установления права и мира и могла бы, строго говоря, ограничиться теперешняя государственная дума и, исполнив свой долг перед страной, с скромным достоинством отойдет, уступив место нормально созванным для очередной работы народным представителям. Однако обстоятельства нашего времени таковы, что заставляют во имя неотложных задач думы включить еще и некоторые другие. К числу их относятся прежде всего аграрный вопрос, с решением которого не согласится более ждатель крестьянство. Аграрный вопрос, в известной степени, предрешается и общими правовыми реформами, ибо прежде всего и больше всего он коснулся деревни и отношения между деревенским населением и городской интеллигенцией. Но есть в нем одна, самая важная и больная сторона вопроса, это, именно, вопрос о прирезке крестьянам земли. В этом, собственно, и состоит крестьянский вопрос в узком смысле. И представители, избранные в первую государственную думу, должны быть готовы к этому вопросу. Они должны ставить при этом целью перевести в руки трудящихся, т. е. крестьян, возможно большую площадь земли, каждой удельной частновладельческой и на самых выгодных условиях, т. е. за самый низкий выкуп. Вопрос этот требует самого детального обсуждения, которому мы его здесь не подвергаем. Столь же неотложными могут оказаться некоторые мероприятия по рабочему вопросу, особенно же по вопросу финансовому. Здесь не надо забывать, что первым народным представителям придется прежде всего добывать денег, искать средств заполнить опустевший карман. Придется вводить новые налоги (каковые уже и теперь намечены правительством), заключать новые займы, что не удастся теперь бюрократии, одним словом, думать и о текущих нуждах. Но в них не должны они полагать центр тяжести своей работы, видя ее совершенно в иной задаче, в выведении ее на путь права и правды, в спасении России от надвигающегося хаоса. И так, двоякого характера задача может представиться ныне для тех, кто посылает своих представителей в государственную думу и кто туда идет. Одна состоит в мелочной, будничной непринципиальной работе, разыгрывании роли общественной комиссии при бюрократическом аппарате, ни к чему не нужная, исторически бесплодная, ни к чему не вдохновляющая роль. Те, которые пошлют за этим и которые пойдут за этим в государственную думу, ничего не сделают для пострадавшей родины, они окажутся не на высоте исторических задач, которые перед нами поставлены, и, если предположить только, что их может быть большинство, то становится страшно за будущее. Другая работа ставится в полном сознании ответственности теперешнего момента и величии исторических задач. Проникнутые ею пойдут в думу не для штопанья старого белья, и не для наложения штемпеля народного представительства на правительственные векселя, нет, они пойдут в нее бороться за

народные права, отстаивать народную свободу. Им надо быть готовыми на все, может быть им придется пострадать за правду, они должны смотреть на свое положение депутата как на жертвенный подвиг. И если Россия вообще может быть возвращена на путь мирного развития, они спасут Россию. Им мы скажем: "Идите, совершайте свой подвиг, спасайте свой подвиг, спасайте родину и свою честь, и да будет путь ваш благословен!"

С. Булгаков.

Народ №5 (8-го (21) апреля 1906), 1-2 стр.

Социальные обязанности церкви

Мы живем в эпоху, быть может, небывалого еще обострения и утончения человеческого эгоизма, господства интереса и в личной, и в общественной жизни. Мы наблюдаем не только фактическое господство интереса, но и теоретическую его проповедь, — проповедь классовой борьбы, классового интереса, которая раздается теперь во всех почти углах цивилизованного мира, служит лучшим тому доказательством. Правда, те, которые проповедают интерес, как высшую заповедь, как закон и пророки, клеветают на самих себя, мучительную работу совести и самоотверженные дела ее они наделяют ярлыком интереса, в своеобразной слепоте платя дань духу времени, заражаясь духовными болезнями той среды, в атмосфере которой живут. Чтобы, однако, они ни проповедовали и как бы ни теоретизировали относительно побудительных своих мотивов, истиной остается то, что зиждательной силой и в истории, и в личной жизни является только работа совести, только она соединяет, а не разъединяет, подобно интересу, личному, эгоистическому самоутверждению, только она созидает, а не разлагает. Истинный прогресс есть работа совести и веление совести.

Работа совести не останавливается в человечестве, и Боже нас сохрани думать или утверждать, чтобы в настоящее время она стала слабее или прекратилась. Напротив, она всего [...] и действеннее, может быть, именн[...] заблудившихся своим интеллектом [...] ?ис]поведников классового интереса, [...]телей социалистического и освобод[итель?]ного движения. В них, может быть, и лежит центральное чувствилище совести современного человечества. Однако, это лишь по делам их и по чувствам, а отнюдь не по мыслям и не по сознанию. И не следует закрывать глаза на то, что это извращение сознания, эта слепота тяжелой болезнью поражает современное человечество, отравляет собой и самое социальное движение, придавая ему, вместо пафоса любви и святого гнева, иногда искаженные черты, напоминающие представителей подлинного интереса. Современные общественные деятели в большинстве случаев знают личную совесть только как недозволенную контрабанду, а общественную совесть признают только как партийную дисциплину, как то, что объединяет данную группу, но в то же время изолирует ее от всего человечества. Следуя голосу интереса, современное человечество, потерявшее способность к внутреннему объединению, нравственно «уединившееся» (по выражению Достоевского), разбилось на кружки, на группы, на партии, на отдельные личности, и дробление это все увеличивается. Рядом с ростом коллективизма человеческого существования, с социализацией условий жизни растет и это уединение и раздробление человечества, строители вавилонской башни, по мере возведения ее к вершине, становятся все разноречнее, все отчужденнее друг от друга.

Неужели же и в самом деле нет и не может быть между людьми союза, основанного не на интересах, а на общей любви, на общей совести, на общем фундаменте, или же он должен быть и даже есть, но остается скрыт, не выявлен пред глазами современного человечества? Чем и где может быть побеждаема недолжная раздробленность современного человечества? Для христианского сознания может быть только один ответ на эти вопросы: теперешнее раздробление и уединение человечества, муки современного индивидуализма и эгоизма, могут и должны быть побеждены,

человечество может и должно иметь общую совесть, которая является истиной для отдельных лиц (насколько они хотят чувствовать и действовать по совести, не отдаваясь эгоизму, интересу, вообще, не противореча совести). Совесть эта для всего человечества, в котором нет уже эллина и иудея, свободного и раба, капиталиста и рабочего, правителя и подданного, но есть Христос, живая и воплощенная совесть людская, есть церковь, благодатный союз веры, надежды и любви, и церковный голос есть голос совести человечества, побеждающий и заглушающий разрозненные голоса.

И вот, поднимается страшный и роковой, искушающий веру вопрос: видим-ли мы эту церковь, слышим-ли мы истинно церковный голос, голос общечеловеческой совести, от которого задрожали бы сердца? Нет мы ее не видим и мы его не слышим, и в этом заключается величайшее духовное несчастье нашего времени, в котором коренятся, может быть, главные причины современных бедствий: потеряв совесть, не заблудиться и не озвереть, как заблудились и озверели мы теперь, свыше сил человеческих. Мы имеем несомненные проявления и атрибуты церковной жизни, — иерархию (которую в обычном словоупотреблении ошибочно отождествляют с церковью и, требуя голоса церкви, требуют голосов духовенства), храмовую жизнь, словом, ту божественную сторону церкви, которая, раз будучи дана, лишь сохраняется в церкви. Но церковь есть учреждение богочеловеческое и требует активного, человеческого делания, работы сознания, соборного чувства и разума, требует полноты даров, производительного употребления вверенного таланта, а не закрытия его в землю. И в этом смысле, в смысле соборного сознания, которое бы обнимало запросы современной жизни, соборной совести, которая отвечала бы на боления современного духа, нет в церкви. Церковь, по известному образу Апокалипсиса, ушла «в пустыню», она заслонена безобразной и мертвой маской «ведомства православного вероисповедания», этой канцелярией духовных дел, узурпирующей голос церкви.

Как нужен, невыразимо нужен был этот голос церкви в ужасающие моменты истории, которые теперь переживаются нами, в какие унижительные положения ставилась церковь «ведомством православного исповедания»! Только вспомните роковые события последних лет. Политическое открытие мощей св. Серафима, святостью которого, вместе с блеском Саровских торжеств, Плеве хотел подпереть рушащееся самодержавие, не успело еще закончиться, когда началась стачка в ряде южных городов, сопровождавшаяся первыми кровопролитиями. Но «ведомство», только что с Плеве открывшее мощи, молчало об этом не только преступном, но и ненужном кровопролитии. Грянула русско-японская война, — плод ряда преступных ошибок нашего правительства, и «ведомство», вместо того, чтобы обличить и образумить правительство, распорядилось служить молебны об «одолении супостатов», наделять иконами бутафорских генералов и адмиралов. Но дни шли, и наступило 9-ое января, бывшее днем религиозно-жертвенного подвига петербургских рабочих. Каков бы ни был сам Гапон, но вел рабочих не Гапон, а его сан и тот крест, который он нес в руках своих. С молитвами шли принести себя в жертву, безоружные, и пролилась святая, мученическая кровь, может быть, кровь истинной церкви Христовой. И опять встревоженные и измученные сердца ждали суда совести, голоса церкви, но, Боже мой, что они услышали в послании св. синода, да будет предан забвению этот великий грех, во многих и многих правдивых сердцах вырвавший веру в церковь, быть может, на всю жизнь. Наступили страшные октябрьские дни, и здесь мы опять не слышали голоса церкви. Был какой-то лепет, казенная отписка по поводу манифеста 17 октября, а затем молчание. Мы помним здесь в Киеве, как люди метались, как безумные во время октябрьского погрома, как ждали, молили властного обличающего голоса совести церковной, и не было его. То, что я говорю, говорю это не в обличение отдельных лиц, грех которых, может быть, и не так велик (и нужно иметь право и быть призванным к этому обличению, на что я не думаю притязать), нет, грех этот создан всей

предшествующей историей, а избавление от него ставится, как задача для будущей истории, которую должны сознать все, верующие в церковь.

Все происшедшее не прошло бесследно для церковного сознания, неправда совершающегося стала сознаваться уже многими. Проникло в общее сознание, что нельзя мириться с той узурпацией, благодаря которой коллегия ставленников светской власти (хотя бы даже и облеченных духовным саном), "ведомство православного исповедания", свои [.....] выдает за [? голоса церкви]. Необходима правильная организация церковного управления, всецело основанная на началах выборности и нравственного авторитета, которая и могла бы по праву выражать голос церкви. Все поняли и увидели, что церковь была поработана государством и сама даже не сознавала при этом всей степени своего поработания; раскрепощение церкви, разрыв компрометирующего и греховного союза православия и самодержавия становится лозунгом церковно-освободительного движения. Раскрепощение церкви, неразрывно связанное с судьбами общерусского освободительного движения, конечно, рано или поздно совершится, это лишь вопрос времени.

Однако, этим не предрешаются еще вопросы о восстановлении должного значения церкви, этим создается только возможность их постановки. Вполне мыслимо, что и раскрепощенная внешним образом церковь останется по прежнему мертвенной, по-прежнему рабой, но уже худшей, ибо добровольной, и, постепенно теряя свое влияние, сохранит его только на женщин и детей, стариков и невежд, уступая пред светом просвещения, как ночные тени солнцу. Так думают все неверующие люди, но так не могут конечно, думать верующие, которые, хотя и допускают количественное сокращение состава церкви, но ожидают "явлений духа и силы" в церкви. Для таких, наряду с внешней задачей церковного освобождения, ставятся задачи и внутреннего роста, дальнейшего раскрытия той богочеловеческой правды, которая вверена церкви. Должна начаться интенсивнейшая работа в церкви, состоящая в пересмотре духовного ее багажа, в постановке заново, а то и перерешении, иных вопросов. Церковь, которая глубоко сознала и выявила задачу личного спасения, личной святости, должна еще столь же глубоко сознать и выявить и задачу христианской общественности, которая представляется нам в настоящее время центральным вопросом исторического и мирового сознания, поставленным для будущих поколений. Но об этом в следующий раз.

С. Булгаков.

[К выборам по киевскому уезду](#)

Народ №5 (8-го (21) апреля 1906), стр.4

К выборам по киевскому уезду

Картинки с натуры

С девяти часов утра площадь перед думой уже полна народом. Избиратели толпятся у входа в помещение думы.

Приехавшие из уезда крестьяне и евреи ведут беседу по поводу кандидатов в выборщики.

«За кого подать бы свой голос?», – спрашивает молодой крестьянин, держа в руках бюллетень «Народ. Своб.».

«Да, как за кого? Известное дело, кого знаешь, того и выбирать надо, а жить чужим умом совестно», – перебивает его какой-то господин в форменной фуражке.

Между ними завязывается разговор, собирается толпа человек в двадцать. Господин в форменной фуражке вместе со своим единомышленником горячо защищает «свободу выборов» и обрушивается на тактику членов партии «Нар. Своб.», которые здесь раздают свои бюллетени.

«Господа, кто еще не получил списка кандидатов «Нар. Своб.?» Берите, кто хочет. Выставленные здесь лица защищают народные интересы, подавайте за весь список целиком». С такими словами обращается молодой студент к собравшимся, живо переходя от одной группы к другой.

«Здесь предлагаются все инженеры, которые не интересуются нашим делом: они знают свои постройки, есть и другой список», – заявляет один из толпы. – «Надо подавать за тот». Дебаты принимают острый характер, и спорящие переходят на личную почву. Мы переходим к другой группе.

«Их партия платит деньги, у них все устроено, а мы ничего еще не сделали, не столкнулись. Пойдемте же поговорим, надо своих людей выбирать, а не евреев и профессоров», – возбужденно вопит какой-то господин, сколько человек уходят за ним, другие остаются и спрашивают, как быть, за кого подавать свой голос. В это время подходит студент. «В чем дело», – спрашивает он. «Да вот, все насчет выборов, приехали и не знаем кого писать...»

Студент начинает подробно излагать крестьянам, чего хочет партия «Народн. Своб.» и каких людей надо послать в думу.

Слово «земля» подхватывается многими голосами и мигом облетает всех.

«Здесь рассказывали то, что по закону надо выбирать только людей одной веры, такой приказ есть?», – прямодушно спрашивает какой-то старик, держа в руках бюллетень. «Нет, нет», – раздаются голоса, – «это неправда, это говорят те, кто хочет обмануть народ. Все равны, все имеют одинаковое право. Подайте за тех лиц, которых предлагает партия «Народной Свободы». Они успокоят страну и установят порядок».

С—ъ.

[Кто убил Абрамова?](#)

Народ №5 (8-е (21) апреля 1906 г.), 1 стр.

Кто убил Абрамова?

Если в настоящее время оглашается какой-нибудь вопиющий, преступный поступок того или другого представителя правительства, мы знаем, что за этим следует: бурно вздымающаяся волна общественного негодования, лютающая боль общественной совести, общее требование расследования, правосудия, законного удовлетворения чувства общественного негодования, а в ответ полное молчание, бездействие правительства, иногда даже демонстративное награждение преступника и,

в завершение всего, террористический акт, политическое убийство. И впадет в отчаяние какое-нибудь горячее сердце, не одолеет страшного искушения праведного гнева и, забыв слово: «Мне отмщение, и Аз воздам», примет на себя роковую роль мстителя, отдавая при этом или обрекая самого себя на верную смерть. Такова краткая и грустная история, которая с математической правильностью повторяется на наших глазах: Луженовский, Филонов, Слепцов, Курлов (покушение), теперь Абрамов. В газетах обсуждается вопрос: кто же убил Абрамова, революционер или же правительственный агент, чтобы скрыть следы преступления. Едва ли можно установить в точности, кто был физическим исполнителем убийства, кто спускал курок, но мы хорошо знаем, кто вложил в руки пистолет, кто вдохнул мысль об убийстве и ненависть убийства, одним словом, кто виновен и кому должно быть вменено это убийство. Виновный тот, кто поддерживает беззаконие и произвол, творит поругание права, лишает население законной защиты, т. е. органы русского правительства.

Разумеется, мы со скорбью и болью встречаем весть об этих политических убийствах. Но с тем большей энергией должны мы исповедовать убеждение, что неотразимым подстрекателем, превращающим кротких голубиц и целомудренных юношей в политических убийц, является именно царящее у нас беззаконие. Мы не можем без негодования читать, как реакционеры клеймят тех несчастных, которые, правда, не соразмеряют цель со средством, но часто (конечно не всегда) святы в своих целях. Можно ли сравнивать холодный, рассчитанный жестокий террор тех, которые облечены эгидой власти и, вместо права и правды, чинят бесправие и насилие, и террор тех, кто гнев и боль при виде этого бесправия и насилия простирают до самопожертвования, хотя бы путем убийства.

Каждое новое политическое убийство должно быть рассматриваемо как новый упрек власти, как укор общественной совести, как набат, свидетельствующий о происходящем пожаре.

Когда же удалим мы из своей среды поджигателя, когда убийство перестанет быть насильственно навязываемым, когда установится у нас право правды... вместо господствующего права войны?

С. Б-ов.

[На грозном распутьи](#)

Народ №5 (8-е (21) апреля 1906 г.), 1 стр.

Киев, 8 апреля.

На грозном распутьи

В политической атмосфере зловещая, выжидательная тишина, затишье перед грозой. Все ждут, что будет с государственной думой. Никто не сомневается относительно того, что она заявит. Страна уже сказала свое слово. Долгое время поддерживалась ложь, что протест против самодержавия исходит от небольшой группы интеллигенции, что народ верен самодержавию и не хочет конституции. Так можно было говорить, пока народ молчал, пока он не был спрошен. Народу приписывали

фанатическую и фантастическую привязанность к уряднику и нагайке, к паспортной системе и опеке земского начальника. Теперь туман рассеялся и ложь опровергнута. Высказавшись в огромном количестве случаев за партию Народной Свободы, народ дал вотум *против самодержавия*. Нельзя уже в самодержавии видеть атрибут русской народности, нельзя уже «истинно русским людям» выдавать себя за представителей голоса народного. Народ отвергнул самодержавие, и эта форма правления должна удалиться, поняв, что ее историческая роль сыграна. Иначе правительство должно объявить *открытую войну* своему народу. Проникающие в печать слухи о намерениях правительства и его последние действия красноречиво говорят, что правительство не хочет внять голосу народа и устраниться, что оно неотвратно ведет страну к революции. Да [...]! Пусть опомнятся, пусть сознают свою отв[...] перед Богом и народом властолюбцы, опьяненные вином власти и забывшие об ее обязанностях! Мы стоим над развернувшейся бездной. Везувий народного гнева только начинает действовать. Близится землетрясение. Спасайте пока не поздно.